

его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула:—Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не ждали ни минуты...

— Идти... но куда же? ты забыла, что у насъ кромѣ синяго неба и темнаго лѣса нѣтъ ни кровли, ни пристанища. И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы? что намъ за дѣло... если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять... если изгнанники, подобно намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... къ тому же въ теперешнѣе времена злодѣи и убійцы не бояться смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица въ народѣ...

— Но я боюсь, Юрій,—твои убѣжденія ничтожны—я боюсь...

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и, устремивъ на него уклончивый взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенокъ! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи въ пещеру, пойдемъ далѣе... это западня... какъ тамъ темно, какъ страшно...

— Послушай... если мы поѣдемъ далѣе, то, не зная окрестностей, заблудимъ. Богъ знаетъ куда и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбежно погибъ—развѣ ты хочешь моей смерти?

— Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?

— Итакъ, пусти меня... или лучше пойдемъ вѣстѣ въ это подземелье, и пусть буреть, что суждено!

Съ сими словами, вынудивъ шпатель, онъ на коѣнѣхъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоносное оружіе и, ощупно подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было идти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь; порою дымъ валилъ ему навстрѣчу, и векофъ передъ собою, хотя въ отдаленіи, онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то всыхивалъ, то замиралъ; сердце его забило съ ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвести какъ можно менѣе шума и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій вошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огнемъ, разложеннымъ у подошвы четвероугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бро-

сая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобы хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой срадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казалось, не обращалъ на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и, приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Кто здѣсь?.. вставай!.. что ты за человекъ?.. другъ или недругъ?.. отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!

Гензѣтственный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся, не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы, и озаренный веровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался, вѣроятно, несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпателью, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь; красныя уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли во все стороны.

— Останься, — сказалъ Юрій, — или я тебя пронижу насквозь.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: — кто ты?

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія: незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ: — сынъ мой! сынъ мой!

Они упали другъ другу въ объятія; они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ, и всецѣ, и мотаетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волченка, а Борисъ Петровичъ былъ человекъ, какъ вамъ это извѣстно, то есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ натуралисты и философы... и эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы грѣшныя наши утреннія и вечернія молитвы—сравненіе чрезвычайно справедливое.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо, имъ совершенно чуждое—существо забытое, но прекрасное, съ дѣшное,—женщина съ огненной душой, въ душой чистой и свѣтлой, какъ алмазъ; не замѣчали они, что